

УДК 811.161.1; 81'36

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СТРУКТУРНОМ АСПЕКТЕ

Г.И. Панова (Абакан, Россия)

А.Е. Кузьмина (Абакан, Россия)

Т.В. Викторина (Абакан, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Известно, что категория времени русского глагола находится в тесной взаимосвязи с категорией вида. В данной статье категория времени анализируется с позиции разграничения разных уровней ее существования: уровня абстрагированных морфологических форм (МФ) и уровня конкретных словоформ (СФ). Такой подход обнаруживает ее более сложную структурную организацию, чем традиционный анализ только на уровне СФ, излагаемый в лингвистической литературе.

Цель исследования – выявить количественную диспропорцию категории времени с учетом уровня абстрагированных морфологических форм (МФ) и уровня конкретных словоформ (СФ).

Методология. Исходным концептуальным основанием описания флективного морфологического строя русского языка в целом является поуровневый анализ его единиц, предложенный А.В. Бондарко.

Результаты и обсуждение. Диспропорция категории времени включает три МФ – не-прошедшего, прошедшего и будущего незавершенного времени – и пять СФ, в которых они реализуются, – СФ настоящего времени, будущего завершенного, будущего незавершенного, прошедшего времени и двухвременные. МФ настоящего и будущего завершенного времени нет, есть только СФ с таким значением.

Выводы. В результате исследования выделяется внутреннее и внешнее взаимодействие категории времени с видом. В первом случае вид участвует в формировании временного значения (это значения настоящего и будущего завершенного времени), во втором – вид выражается параллельно со значением времени (прошедшего и будущего незавершенного). Доказывается классификационно-словоизменительный статус категории.

Ключевые слова: морфологические формы и словоформы времени, форма не-прошедшего времени, внутреннее и внешнее взаимодействие времени и вида.

Постановка проблемы. В статье К.С. Аксакова «О русских глаголах» читаем: «О русском глаголе было писано много, но вопрос доселе остается нерешенным, доселе понимание не уравнилось с предметом, – и глаголы нашего языка остаются во всей своей непокорной самостоятельности...» [Аксаков, 1855]. Сказанное классиком 170 лет назад является актуальным и в настоящее время. И не потому, что с тех пор изучению глагола уделялось мало внимания. Различные аспекты изучения глагола и его производных в европейских языках остаются в поле зрения и современных исследователей [Архипова, 2024, с. 15].

Обзор научной литературы. Нельзя не упомянуть имена более поздних классиков-русистов, таких как А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, которые в своих грамматических трудах уделяли много внимания глаголу; нельзя не назвать имя А.В. Бондарко, а также А.Л. Шарандина, специально писавших о глаголе. Труды всех этих лингвистов сформировали наше современное представление о данной части речи. Однако в языкознании, как и во всякой другой науке, процесс познания едва ли имеет пределы. Раскрывая одни стороны языковой действительности, мы обнаруживаем другие, ранее неизвестные, которые ставят перед исследователем новые задачи.

Данная работа посвящена категории времени русского глагола в плане ее структурно-содержательной организации, где тоже обнаруживаются ранее не раскрытые особенности.

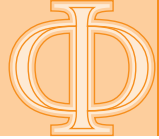
Цель исследования – выявить количественную диспропорцию категории времени с учетом уровня абстрагированных морфологических форм (МФ) и уровня конкретных словоформ (СФ).

Методология и концептуальные основы анализа. Исходным концептуальным основанием описания флективного морфологического строя русского языка в целом является поуровневый анализ его единиц, предложенный А.В. Бондарко. С опорой на предшествующую лингвистическую традицию исследователь выделяет три «уровня существования и, соответственно, описания грамматических категорий» (разрядка наша. – Г.П., А.К., Т.В.) [Бондарко, 1983, с. 100].

Первый уровень – уровень «абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики)» [Там же]. На этом уровне существуют **морфологические формы** слов как их обобщенные формально-содержательные модели. «Морфологическая форма – это единство морфологического аффикса или вспомогательного слова и обобщенной основы слов данной части речи» [Панова, 2021, с. 79]. См., например, графические аналогии двух морфологических форм глагола, синтетической и аналитической: 1) [(основа глаг.) + -л- + Ø]; 2) [*б^{уду}* + (основа глаг.) + -*ть*].

Второй уровень – уровень «репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах» [Бондарко, 1983, с. 100]. На этом уровне существуют **словоформы** как единицы языка, в которых реализуются абстрагированные морфологические формы. Словоформа – это морфологическая форма, заполненная лексической основой конкретного слова. См. реализацию в словоформах приведенных выше морфологических форм: 1) *любил*Ø, *встретил*Ø; 2) *буду любить*, *буду встречать*.

Третий уровень – это уровень «функционирования грамматических единиц в составе высказывания» [Там же], где морфологическая форма реализуется в словоформе как единице речи. Однако для нашего исследования обращение к этому уровню неактуально. Об особенностях реализации морфологической формы в словоформах как единицах языка и как единицах речи см. [Панова, 2020, с. 19–20].

Во всех грамматиках и учебных пособиях во введении в морфологию в том или ином истолковании представлено понятие морфологической, или грамматической, формы. См., например: [Русская грамматика, 1980, с. 454–455]. Однако при дальнейшем изложении морфологической теории оно остается невостребованным. В частности, при анализе морфологических категорий к понятию морфологической формы не обращаются: они описываются только на уровне словоформ, обозначаемых термином «форма слова».

Результаты и обсуждение. В данной статье категория времени глагола рассматривается с позиций разграничения ее существования на уровне словоформ и на уровне абстрагированных морфологических форм. Такой подход позволяет уточнить ее содержательно-структурную организацию, а так как структура любой морфологической категории базируется на средствах ее выражения, то логично прежде остановиться на этом вопросе.

Формальное выражение временных значений и структура морфологических форм времени. В теоретических работах формальное выражение значений времени рассматривается редко, оно освещается в основном в грамматиках и пособиях по русской морфологии. Иногда же при описании категории времени рассматриваются только ее содержательно-функциональные свойства и вообще не затрагивается вопрос о средствах выражения. См., например: [Бондарко, 1967, с. 76–119; 1971, с. 43–128]. В Энциклопедии «Русский язык» (1997) по этому поводу имеется лишь такое замечание: «Специальный морфологический показатель В. имеют только формы прошедшего времени, а также аналитическая форма будущего времени» [ЭРЯ, 1997, с. 77].

Можно констатировать, что средства выражения значений прошедшего времени и будущего незавершенного очевидны. Морфологическое значение прошедшего времени выражается суффиксом [(основа глаг.) + -л-], который в структуре определенных словоформ может быть представлен его нулевым алломорфом: *нес-Δ-Ø*, ср. *нес-л-а* (в позиции после основы на согласный перед нулевым окончанием). Значение будущего незавершенного передается аналитически – сочетанием основы вспомогательного глагола *быть* в личной форме с суффиксом инфинитива: [*буд-у* + (основа глаг.) + -ть]: *буду писать*.

Проблемной является ситуация с формальным выражением значений настоящего и будущего завершенного времени. Высказываются мнения о том, что эти значения «выражаются словоформой в целом» [Тихонов, 2002, с. 358], нулевым суффиксом у глаголов современного и несовершенного вида [Мельчук, 1997, с. 338], личными окончаниями. Так, в Энциклопедии «Русский язык» читаем: «Формы настоящего и будущего времени глаголов не имеют собственного морфологического показателя: сами их окончания, наряду со значениями лица и числа, выражают и временное значение. Различие этих форм опирается только на вид глагола: *читаю* (настоящее В. несов. вида) – *прочитаю* (будущее В. сов. вида)» [ЭРЯ, 2020, с. 93]. Аналогичную интерпретацию выражения этих временных значений находим в [Русская грамматика, 1980, с. 627; Милославский, 1981, с. 217; Чеснокова, 2001, с. 98; Шарандин, 2022, с. 249; Клобуков, 2007, с. 330].

Таким образом, большинство морфологов рассматривают личные окончания как выразители не только морфологических значений лица-числа, но и значений времени (во взаимодействии с видом), при этом они не считаются их собственными показателями.

Нам хотелось бы уточнить особенности формального выражения временных значений и раскрыть характер связи личных окончаний со значением времени. Для этого необходимо обратиться к рассмотрению особенностей структуры форм времени.

Ранее мы дали определение морфологической формы как двухкомпонентной единицы – единство морфологического средства и обобщенной основы слов данной части речи, например: [(основа глаг.) + -у]. Однако для дальнейшего анализа необходимо более детально отразить ее структуру и представить как трехкомпонентную единицу, обозначив план содержания и план выражения морфологического средства. В таком случае морфологическая форма – «это единство: а) морфологического значения, б) его материального выражения и в) обобщенной основы слов данной части речи» [Панова, 2021, с. 79]. Приведем графический аналог той же формы 1-го лица единственного числа, только в сопровождении сопряженных с ней значений времени, наклонения и частеречного значения глагола:

основа глагола $\frac{1 \text{ л., ед. ч.}}{[y]} \rightarrow \text{непрош. вр.} = \text{изъяв. н.} + \text{ГЗ процесса.}$

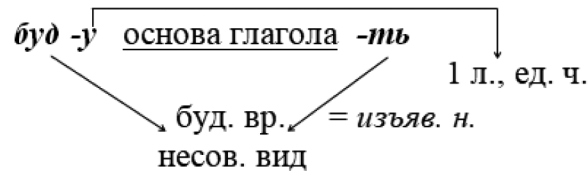
В структуре этой комплексной морфологической формы окончание -у непосредственно выражает морфологические значения 1-го лица и ед. числа, составляющие план его содержания, и опосредованно передает совмещенное с ними значение не прошедшего времени, которое сопряжено со значением реальности индикатива, – а все вместе они сигнализируют частеречное значение процесса глагола¹. (Опосредованно выраженные значения отражены курсивом.) Можно сказать, что при опосредованном выражении морфологические значения передаются имплицитно. Об «имплицитном выражении значения процессуальности» в формах глагола писала Т.В. Булыгина [Булыгина, 1968, с. 201].

Опосредованно, подобно флексиям лица-числа, окончания числа-рода в морфологической форме прошедшего времени тоже сообщают о ее временном значении:

основа глагола + -л-, ∅
↓
ед. ч., муж. р. → *прош. вр. = изъяв. н.*
прош. вр. = изъяв. н.

¹ Лингвисты отмечали возможность опосредованного способа передачи морфологических значений без употребления данного термина. См., например: [Адмони, 1961, с. 8; 1964, с. 41; Арутюнова, 1968, с. 155].

Теперь обратимся к структуре аналитической формы будущего времени:

Итак, мы раскрыли содержательно-структурные особенности комплексных морфологических форм непрошедшего, прошедшего и будущего незавершенного времени, выявив особенности формального выражения их значений. Иных абстрагированных временных форм в русском языке нет. Морфологические формы прошедшего и будущего незавершенного времени – это самодостаточные формы со своими собственными средствами выражения временных значений. Форма же непрошедшего времени является несамодостаточной: ее временное значение передается опосредованно, через окончания лица-числа. Теперь обратимся к рассмотрению полной структуры морфологической категории времени.

Структура категории времени глагола не воспринимается в русистике как какая-то большая проблема. Традиционно считается, что эта категория объединяет четыре формы: форму настоящего времени, форму прошедшего времени и две формы будущего времени, синтетическую и аналитическую [Русская грамматика, 1980, с. 626]. Однако высказываются и иные представления о компонентах этой категории.

Отражая сопряженность временных форм с видом, А.В. Бондарко вводит понятие «видо-временная форма» и выделяет пять таких форм, объединенных в «три временных ряда: 1) прошедшее несовершенное (*открывал*), 2) прошедшее совершенное (*открыл*), 3) настоящее несовершенное (*открываю*)², 4) будущее несовершенное (*буду открывать*) и 5) настоящее-будущее совершенное

² Некоторые исследователи выделяют две омонимичные формы настоящего времени (настоящего актуального и неактуального) [Шарандин, 2009, с. 275] или формы «настоящего времени» и «вневременные» [Булыгина, 1977, с. 167].

(*открою*), которое относится одновременно к временному ряду настоящего и будущего времени» [Бондарко, 1971, с. 55].

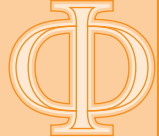
Идею о наличии пяти видо-временных форм русского глагола поддерживает Е.В. Петрухина, однако в формах типа *открою* автор традиционно усматривает значение только будущего времени [Петрухина, 2009, с. 117]. И это справедливо, так как «в аспекте грамматической категории только парадигматические значения... релевантны» [Гухман, 1968, с. 159]. Словоформы же типа *открою* во временной парадигме (*открыл – открою*) выражают исключительно значение будущего времени, т.е. 'следование действия за моментом речи'. Значение настоящего времени (узуального) может появляться у них только как переносное под воздействием определенных элементов контекста, например: *Да я постоянно открою (= открываю) форточку, а потом забываю ее закрыть.*

Вышеизложенное представление А.В. Бондарко о содержательно-структурной организации категории времени отличается от традиционного тем, что все формы времени считаются видо-временными и в прошедшем времени выделяется две таких формы – прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное; а словоформы типа *открою* рассматриваются как формы настоящего-будущего времени. В.В. Виноградов тоже называл их формами «настоящего-будущего времени совершенного вида» [Виноградов, 1972, с. 451], А.В. Исаченко аналогично – «формами презенса совершенного вида» [Исаченко, 2003, с. 422].

Важно подчеркнуть, что описание категории времени везде дается только на уровне лексически конкретных единиц, т.е. словоформ. Дифференцированное же описание этой категории на уровне словоформ и на уровне морфологических форм по-иному раскрывает ее содержательно-структурную организацию.

На уровне абстрагированной морфологической системы, как показал предшествующий анализ, категория времени русского глагола представлена **тремя морфологическими формами**: 1) форма прошедшего времени [(основа глаг.) + -л- + Ø], которая реализуется в глаголах совершенного вида, несовершенного вида и двувидовых: *писал, написал, оборудовал*; 2) форма будущего незавершенного времени [(буд-у + (основа глаг.) + -ть)], которую заполняют только глаголы несовершенного вида: *буду писать, буду оборудовать*; 3) несамодостаточная форма непрошедшего времени [(основа глаг.) + -у], которая репрезентируется, как и форма прошедшего времени, тоже в глаголах совершенного и несовершенного вида, совершенного вида и двувидовых, но только в словоформах с разным временным значением: *пишу, напишу, оборудую*.

На уровне лексически конкретных единиц категория времени представлена **пятью словоформами**: 1) словоформы прошедшего времени: *писал, написал, оборудовал*; 2) будущего незавершенного времени: *буду писать, буду оборудовать*; 3) будущего завершенного времени: *напишу*; 4) настоящего времени: *пишу*; 5) двувременная словоформа, т.е. настоящего-будущего завершенного времени: *оборудую*.

У двувидовых глаголов абстрагированная *морфологическая форма* прошедшего времени реализуется в двувременных словоформах. Их обычно определяют как омонимичные формы настоящего и будущего времени. Однако если глаголы типа *оборудовать* считаются двувидовыми, а не омонимичными по виду, то их личные словоформы типа *оборудую* тоже логично рассматривать как двувременные, а не омонимичные по времени. Дифференциация видо-временных значений таких словоформ, как известно, происходит на уровне высказывания. См.: *Мы уже второй месяц **оборудуем** эту лабораторию* (несов. вид → наст. вр.). – *Как только **оборудуем** лабораторию, пойду в отпуск* (сов. вид → буд. вр.).

Итак, морфологическая категория времени обнаруживает диспропорцию в количестве морфологических форм и словоформ: она включает три морфологические формы и пять словоформ, в которых они реализуются:

Морфологические формы	Словоформы
1) прош. вр.: [(осн. глаг.) + -л]	1) <i>писал, написал, оборудовал</i>
2) буд. незаверш. вр.: [<i>буд-у</i> + (осн. глаг.) + -ть]	2) <i>буду писать, буду оборудовать</i>
3) непрош. вр.: [(осн. глаг.) + -у]	3) буд. заверш. вр.: <i>напишу</i>
	4) наст. вр.: <i>пишу</i>
	5) двуврем. (наст.-буд.): <i>оборудую</i>

Подобная диспропорция несвойственна другим морфологическим категориям русского глагола; ее наличие обусловлено взаимодействием категории времени с видом.

Особенности взаимодействия значений времени и вида. При описании категории времени неизменно отмечается ее тесная связь с категорией вида. Имеются и специальные работы, посвященные этим двум категориям в их взаимодействии, см., в частности, учебные пособия монографического характера [Бондарко, 1971; Петрухина, 2009], а также статью [Тирофф, 1998] и др.

Взаимодействие времени и вида рассматривается преимущественно на уровне словоформ как единиц речи, т.е. при их функционировании в высказывании, где вид предопределяет семантическое варьирование временных словоформ, прежде всего прошедшего времени. Этот факт и дает право некоторым исследователям все формы времени считать видо-временными. Наша задача – выявить особенности взаимодействия значений времени и вида в структуре словоформ как единиц языка, в отвлечении от высказывания.

Анализ компонентов категории времени выявляет внутреннее и внешнее взаимодействие времени с видом. В этом разделе мы уточняем и развиваем высказанные в [Панова, 2016, с. 336] в более общем плане наблюдения о взаимодействии этих категорий в формах времени. Внутреннее взаимодействие происходит там, где видовые значения участвуют в формировании значения времени. Это проявляется при реализации абстрагированной морфологической формы прошедшего времени [(осн. глагола) + -у] в конкретных словоформах глаголов несов. вида, сов. вида или двувидовых.

Морфологическое значение непростого времени: а) под влиянием значения незавершенности, или протекания, действия основы несовершенного вида преобразуется в значение настоящего времени (**пиш-у**); б) под влиянием значения завершенности действия основы совершенного вида преобразуется в значение будущего завершенного времени (**напиш-у**); в) под влиянием двувидовости основы оно проявляется как двувременное, т.е. недифференцированное значение настоящего/будущего времени (**оборуду-у**). Таким образом, если в словоформах глаголов совершенного или несовершенного вида диапазон непростого времени абстрагированной морфологической формы сужается до значения настоящего или будущего времени, то в двувидовых словоформах временной диапазон остается прежним, лишь проявляются его составляющие: настоящее время + будущее. Таким образом, все данные словоформы времени являются подлинно видо-временными.

Внешнее взаимодействие времени с видом можно усматривать там, где временное значение выражается в словоформе независимо от вида, но параллельно с видом. Так, в словоформах прошедшего времени значение предшествования действия моменту речи выражается суффиксом **-л**, а значение имперфективности, перфективности или двувидовости передается лексической основой глагола: **писал, написал, оборудовал**. Не случайно В.В. Виноградов форму прошедшего времени назвал «сильной грамматической категорией», противопоставляя ее формам «настоящего-будущего времени» [Виноградов, 1972, с. 444].

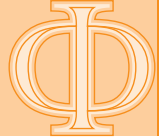
Аналитические словоформы будущего времени типа **буду писать, буду оборудовать** отличаются от словоформы прошедшего тем, что значение несовершенного вида выражается в них дважды: 1) основой глагола и, как уже отмечалось, 2) аналитическим средством параллельно со значением будущего времени в структуре морфологической формы [**буд-у** + (основа глаг.) + **-ть**]³.

Итак, мы выяснили особенности взаимодействия значений времени и вида в структуре временных словоформ.

Характер морфологической категории времени. Категория времени определяется в лингвистической литературе как «последовательно-коррелятивная» [Бондарко, 2005, с. 72] или как словоизменительная [Милославский, 1981, с. 210; Мельчук, 1998, с. 60; и др.].

Однако предшествующий анализ обнаруживает смешанный, классификационно-словоизменительный характер этой категории, являющийся следствием

³ Многоаспектное описание «аналитических конструкций будущего времени» см.: [Стойнова, 2017]. Однозначным выразителем несовершенного вида в этих конструкциях является, по-видимому, именно сочетание **буд-** + **-ть**, а не просто **буд-у**, потому что знаменательный и многозначный глагол **быть** – двувидовой. Выражая семантику существования, наличествования, он является имперфективом (**Я обещаю, что всегда буду в твоей жизни**), а передавая семантику движения, – перфективом. См.: **Я буду ровно в шесть**, где словоформа **буду** обозначает результат «однонаправленного перемещения». О двувидовости глагола **быть** см.: [Падучева, 2013, с. 189].

ее взаимодействия с видом, что в общем виде отмечалось в [Панова, 1916, с. 235]. В сфере оппозиции «прошедшее время vs непрошедшие времена» она имеет словоизменительный характер, так как все глаголы имеют форму прошедшего времени и две формы (если глагол несов. вида) или одну (если глагол сов. вида) из непрошедших времен. А в сфере оппозиции форм конкретных непрошедших времен – «настоящее, будущее незавершенное vs будущее завершенное» – она имеет классификационный характер, так как первые две формы присущи только глаголам несовершенного вида, а вторая – глаголам совершенного вида. Однако смешанный характер категории проявляется только у глаголов со значением одного вида: совершенного или несовершенного.

У двувидовых же глаголов данная категория является чисто словоизменительной: эти глаголы имеют три временные словоформы: прошедшего времени (*оборудовал*), будущего незавершенного (*буду оборудовать*) и двувременную словоформу (*оборудую*), в которой реализуется морфологическая форма непрошедшего времени.

Заключение. Поуровневый анализ морфологической категории времени русского глагола – с позиций разграничения абстрагированных *морфологических форм* и конкретных *словоформ* – выявил ее более сложную содержательно-структурную организацию, чем при традиционном описании только на уровне *словоформ*.

Обнаружена структурная диспропорция категории: она включает три *морфологические формы* и пять *словоформ*, в которых они реализуются. Категория времени включает: 1) *морфологическую форму* будущего незавершенного времени, которая реализуется в *словоформах* будущего незавершенного; 2) *морфологическую форму* прошедшего времени, которая реализуется в *словоформах* прошедшего времени; 3) *морфологическую форму* непрошедшего времени, которая репрезентируется в *словоформах* настоящего времени (у глаголов несов. вида), в *словоформах* будущего завершенного времени (у глаголов сов. вида) и в двувременных *словоформах* – настоящего-будущего завершенного времени (у двувидовых глаголов). Таким образом, временные значения неодинаково распределены по уровням морфологического строя: прошедшее и будущее незавершенное существуют и на уровне *морфологических форм*, и на уровне *словоформ*, а настоящее и будущее завершенное – только на уровне *словоформ*.

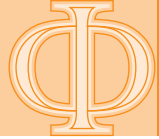
Дефиниция морфологической категории времени, как и других категорий, предполагает отражение ее структуры и содержания. В учебном пособии для вузов Г.И. Пановой «Морфология современного русского литературного языка», где морфологические категории описываются с позиций разных уровней их существования, категория времени определяется как «система *морфологических форм* настоящего, прошедшего и будущего времени, выражающая отношение действия ко времени его осуществления с точки зрения говорящего» (курсив наш. – Г.П., А.К., Т.В.) [Панова, 2022, с. 370]. С позиции новых знаний о структурной организации этой категории данное определение неточно: морфологической формы

настоящего времени не существует, есть только словоформы с таким значением. Однако отразить в пределах дефиниции подлинную структуру категории с обозначением всех ее компонентов, относящихся к разным уровням морфологического строя, затруднительно: это требует более пространный текст.

Поэтому при изучении морфологической категории времени в вузе следует предлагать ее методически упрощенную дефиницию, заменив в приведенном выше определении терминологическое сочетание «система морфологических форм» на сочетание «система форм», где под формами подразумеваются словоформы. Подлинную же, разноуровневую структуру категории времени целесообразно раскрывать при углубленном изучении курса русской морфологии.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.; Л.: Наука, 1964.
2. Адмони В.Г. Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // Филологические науки. 1961. № 3. С. 3–15.
3. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: Типография Л. Степановой, 1855.
4. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 58–116.
5. Архипова И.В. Отглагольные дериваты и их ревербализация // Сибирский филологический форум. 2024. № 4 (29). С. 4–14.
6. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление): пособие для студентов. М.: Просвещение, 1971.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.
8. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол: пособие для студентов и учителей. Л.: Просвещение, 1967.
9. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий // Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 15–222.
10. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 175–231.
11. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.
12. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
13. Гухман М.М. Грамматические категории и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117–175.
14. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология: I–II. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003.
15. Клобуков Е.В. Современный русский язык / под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2007.

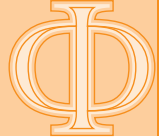
16. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.; Вена: Языки славянской культуры, 1997. Т. I.
17. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.; Вена: Языки славянской культуры, 1998. Т. II.
18. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981.
19. Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.
20. Панова Г.И. Морфологическая форма и словоформа: к уточнению основных понятий русской морфологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 72–92.
21. Панова Г.И. Морфология современного русского литературного языка: учебное пособие. М.: Юрайт, 2022. 564 с.
22. Панова Г.И. О стратификации морфологических единиц и явлений в грамматическом строе русского языка // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература: изучение и преподавание. 2020. № 1 (1). С. 16–21.
23. Панова Г.И. О формальном выражении вида и времени русского глагола // Сибирский филологический журнал. 2016. С. 228–240.
24. Петрухина Е.В. Русский глагол: Категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учебное пособие. М.: Макс Пресс, 2009.
25. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
26. Русский язык. Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020 (ЭРЯ).
27. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1997 (ЭРЯ).
28. Стойнова Н.М. Аналитическая конструкция будущего времени // Материалы к корпусной грамматике русского языка. СПб.: Нестор-История. 2017. Вып. II: Синтаксические конструкции и грамматические категории. С. 344–437.
29. Тирофф Р. Вид и его взаимосвязь с временем // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / отв. ред. М.Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 454–465.
30. Тихонов А.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002.
31. Чеснокова Л.Д. Морфология // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / под ред. Е.И. Дибровой. М.: Академия, 2001. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. С. 4–248.
32. Шарандин А.Л. Морфология современного русского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2022.
33. Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание: монография. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009.

Сведения об авторах

Панова Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: giranova@mail.ru +79134490572

Кузьмина Антонина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: ivanova2979@mail.ru

Викторина Татьяна Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: t.viktorina@mail.ru

MORPHOLOGICAL CATEGORY OF TENSE OF A RUSSIAN VERB IN THE STRUCTURAL AND CONTENT ASPECT

G.I. Panova (Abakan, Russia)

A.E. Kuzmina (Abakan, Russia)

T.V. Viktorina (Abakan, Russia)

Abstract

Statement of the problem. It is known that the category of tense in the Russian verb is closely interconnected with the category of aspect. In this article, the category of tense is analyzed from the perspective of distinguishing between different levels of its existence: the level of abstract morphological forms (MF) and the level of specific word forms (SF). This approach reveals its more complex structural organization than the traditional analysis, which is presented in linguistic literature, focusing only on the level of specific word forms.

The purpose of the study is to identify the quantitative disproportion in the category of tense, taking into account the level of abstracted morphological forms (MF) and the level of specific word forms (SF).

Methodology (materials and methods). The initial conceptual basis for describing the inflectional morphological structure of the Russian language as a whole is the level-by-level analysis of its units proposed by A. V. Bondarko.

Research results. The disproportion of the time category includes three MFs – non-past, past, and future incomplete – and five SFs in which they are realized – SF of present time, future completed, future incomplete, past time, and bitemporal. There are no MFs of the present and future completed time; there are only SFs with such a meaning.

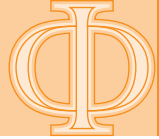
Conclusions. The study reveals the internal and external interaction between the category of tense and aspect. In the first case, aspect participates in the formation of temporal meaning (these are the meanings of present and future completed tense); in the second case, aspect is expressed in parallel with the meaning of tense (past and future non-completed). The classification and inflectional status of the category is proven.

Keywords: *morphological forms and word forms of tense, non-past tense form, internal and external interaction of tense and aspect.*

References

1. Admoni V.G. *Osnovy teorii grammatikiv* [Fundamentals of grammar theory]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964.
2. Admoni V.G. Partiturnoe stroenie rechevoj cipi i sistema grammaticheskikh znachenij v predlozhenii [The musical structure of the speech chain and the system of grammatical meanings in a sentence]. In: *Filologicheskie nauki*, 1961, 3, 3–15.
3. Aksakov K.S. *O russkikh glagolah* [About Russian verbs]. Moscow, Tipografiya L. Stepanovoj, 1855.
4. Arhipova I.V. Otglagol'nye derivaty i ih reverbalizaciya [Verbal derivatives and their reverberation]. In: *Sibirskij filologicheskij forum*, 2024, 4 (29), 4–14.
5. Arutyunova N.D. O znachimyh edinicah yazyka [About significant language units]. In: *Issledovaniya po obshchej teorii grammatiki*. Moscow, Nauka, 1968, 58–116.

6. Bondarko A.V. & Bulanin L.L. *Russkij glagol* [The Russian verb]. Posobie dlya studentov i uchitelej. Leningrad, Prosveshchenie, 1967.
7. Bondarko A.V. *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and aspectual issues]. Leningrad, Nauka, 1983.
8. Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Type and tense of the Russian verb (meaning and usage)]. Posobie dlya studentov. Moscow, Prosveshchenie, 1971.
9. Bondarko A.V. *Teoriya morfologicheskikh kategorij* [Theory of morphological categories]. *Teoriya morfologicheskikh kategorij i aspektologicheskie issledovaniya*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2005, 15–222.
10. Bulygina T.V. *Grammaticheskie oppozicii* [Grammatical oppositions]. *Issledovaniya po obshchej teorii grammatiki*. Moscow, Nauka, 1968, 175–231.
11. Bulygina T.V. *Problemy teorii morfologicheskikh modelej* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow, Nauka, 1977.
12. Chesnokova L.D. *Morfologiya* [Morphology]. *Sovremennyy russkij yazyk: Teoriya. Analiz yazykovykh edinic*. V 2 ch. Ch. 2. Morfologiya. Sintaksis. Pod red. E.I. Dibrovoj. Moscow, Akademiya, 2001, 4–248.
13. Gluhman M.M. *Grammaticheskie kategorii i struktura paradigm* [Grammatical categories and the structure of paradigms]. In: *Issledovaniya po obshchej teorii grammatiki*. Moscow, Nauka, 1968, 117–175.
14. Isachenko A.V. *Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim. Morfologiya* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003.
15. Klobukov E.V. *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian language]. Pod red. P.A. Lekanta. Moscow, Drofa, 2007.
16. Mel'chuk I.A. *Kurs obshchej morfologii. T. I.* [Course in General Morphology. Vol. I]. Moscow, Vienna; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1997.
17. Mel'chuk I.A. *Kurs obshchej morfologii. T. II.* [Course in General Morphology. Vol. II]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1998.
18. Miloslavskij I.G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1981.
19. Paducheva E.V. *Russkoe otricatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013.
20. Panova G.I. *O formal'nom vyrazhenii vida i vremeni russkogo glagola* [On the formal expression of the aspect and tense of the Russian verb]. In: *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2016, 228–240.
21. Panova G.I. *Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (uchebnoe posobie)* [Morphology of the modern Russian literary language (a textbook)]. Moscow, Izdatel'stvo Yurajt, 2022, 564 p.
22. Panova G.I. *O stratifikacii morfologicheskikh edinic i yavlenij v grammaticheskom stroe russkogo yazyka* [On stratification of morphological units and phenomena

- in grammatical structure of russian language]. In: *Professorskij zhurnal. Seriya Russkij yazyk i literatura: izuchenie i prepodavanie*, 2020, 1 (1), 16–21.
23. Panova G.I. Morfologicheskaya forma i slovoforma: k utochneniyu osnovnyh ponyatij russkoj morfologii [morphological form and word form: on clarifying the basic notions of russian morphology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, 73, 72–92.
24. Petruhina E.V. *Russkij glagol: Kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennyh lingvisticheskikh issledovanij)* [Russian verb: Categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic research)]: Uchebnoe posobie. Moscow, Maks Press, 2009.
25. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. 1. Moscow, Nauka, 1980.
26. *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Pod red. Yu.N. Karaulova. Moscow, Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, Drofa, 1997.
27. *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian Language. Encyclopedia] In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN; pod obshch. red. A.M. Moldovana. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, AST-PRESS ShKOLA, 2020.
28. Sharandin A.L. *Russkij glagol: Kompleksnoe opisaniye: monografiya* [Russian verb: Comprehensive description: Monograph]. Tambov, Izd-vo Pershina R.V., 2009.
29. Sharandin A.L. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the modern Russian language]. Uchebnoe posobie. Moscow, Flinta, 2022.
30. Stoyanova N.M. Analiticheskaya konstrukciya budushchego vremeni [Analytical construction of the future tense]. In: *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Vyp. II. Sintaksicheskie konstrukcii i grammaticheskie kategorii*. St. Petersburg, Nestor-History. 2017, 344–437.
31. Tihonov A.N. *Sovremennyy russkij yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation. Morphology]. Moscow, Citadel'-trejd, 2002.
32. Tirrof R. Vid i ego vzaimosvyaz' s vremenem [The view and its relationship to time]. In: *Tipologiya vida. Problemy, poiski, resheniya*. Otv. red. M.Yu. Chertkova. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. 1998, 454–265.
33. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical study of the word]. Moscow, Vysshaya shkola, 1972.

About the authors

Panova, Galina I. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Khakass State University named after N.F. Katanov (Abakan, Russia); e-mail: gipanova@mail.ru

Kuzmina, Antonina E. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Khakass State University named after N.F. Katanov (Abakan, Russia); e-mail: ivanova2979@mail.ru

Viktorina Tatyana Valentinovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Khakass State University named after N.F. Katanov (Abakan, Russia); e-mail: t.viktorina@mail.ru